

Валерий СУХОВЕЙ

СКАЗКА О ДЕРЕВЯННОМ ОРЛЕ

12+

Валерий Суховей
Сказка о деревянном орле

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Суховей В.

Сказка о деревянном орле / В. Суховей — «ЛитРес: Самиздат»,
2012

Фантазия по мотивам русской народной сказки. Молодой мастер изготовил для царя диковинку - деревянного орла. И тут же впал в немилость, потому как на этом орле озорной сын-царевич улетел незнамо куда. И быть бы мастеру повешену, но случаются чудеса!

От автора

Есть один, давно известный, интересный афоризм, что мы родом все из детства, как бы ни сложилась жизнь. От страны, в какой родился, где ты сделал первый шаг, сколь старательно учился, кто тебе урок внушал, от того, какие книжки в детстве с мамой ты прочел, многое в судьбе сложилось: и успех твой, и просчет.

Книгой доброй, справедливой должно юный ум питать, чтоб в душе своей могли вы те же свойства воспитать.

Выделю особо – сказки. Мудрость высшую веков. Показал народ там в красках, видеть мир хотел каков. Бабушка мне в свое время сказку русскую прочла про одно изобретенье – деревянного орла. Я смысл сказки этой в детстве понял неуверенно: был тогда Союз Советский трудовой империей. Но когда канула в Лету детства моего страна, перестала сказка эта быть неясна и странна. Я читал уже дочурке про народную мечту и своим будущим внукам обязательно прочту: хоть давно уже летает даже в космос человек, сказка не устаревает и живет из века в век. Ведь мечта в ней – не о чуде, чтоб по воздуху летать, а о том, что надо людям всех умельцев уважать. Чтоб в России возносили молодцов мастеровых больше, чем шутов красивых и торговцев деловых. Потеряет эта сказка актуальность лишь тогда, когда снова станет власти ценен человек труда, заживет когда умелец и в богатстве, и в чести.

А пока, сказать осмелюсь, улыбнись и погрузи, мой читатель, над забавой, что тебе здесь предложу, от себя чуток добавлю, кой-чего переложу, но – не изменяя смысла. Не могу сказать тебе, век который тут описан иль столица эта где: ведь история родная вся непредсказуема, да и память уж плохая – путаться могу и я. Но для сказки то не важно. Важно чувствами не лгать в жизненной странице каждой!

Ваш покорнейший слуга.

Глава 1

Не на дальней на сторонке, где-то в нашенских краях, где играли свадьбы – звонко, хоронили – втихаря, жил народ трудолюбивый и покладистый вполне, сердобольный, справедливый, хоть себе и на уме. Дымом пыхали заводы, колосилися поля, а народ, собою гордый, славил своего царя.

Царь Егор – отец народа. Правил он страной своей скромно, чинно, благородно – редкость промежду царей! А еще – ценил таланты верных подданных своих. Будь портной или музыкант ты – он всегда отыщет их, об уменьи их расскажет, всем поставит их в пример, наградит порою даже (каждого на свой манер). Отличиться – всем возможность; в той стране ценней всего не богатство и не должность, а народа мастерство.

Мастера вовсю старались. И вставали тут и там избы, что дворцам равнялись, иль красы великой храм. И видал любой приезжий с чужеземной стороны вычурный узор одежды и посу-

дин расписных. А когда в нечастый праздник царь концерты созывал, то артистам громогласно сам порою подпевал.

Он по должности весомой за границей тоже был, но никто его персону там ничем не удивил. Но вот раз, вернувшись быстро из каких-то дальних мест, он собрал своих министров на внезапный срочный съезд.

Порасселися вельможи, на царя кидая взгляд, и решили, что, похоже, с ними встрече он не рад. И не ведая, не зная, отчего старик смурной, прегрешенья вспоминали за соседом и собой. Царь уселся, возглавляя их квадратный «круглый стол» и, не долго размышляя, прямо к делу перешел.

– Я собрал вас, мудрых дядек, чтоб задать вопрос простой: кто мне скажет, прямо глядя, что в делах у нас – застой? Что пока там вся Европа дружно топает вперед, наше государство что-то от Европы отстает. И когда по всему миру наблюдается прогресс, вот у нас к тому прогрессу слабоватый интерес. Мы тут вроде пашем-сеем, поднимаем на-гора, но вот только к той ли цели движут наши мастера?

Тот, кто с головою дружен, так не мог царю сказать, но ответ держать-то нужно – то ли против, то ли за. Переглядывались хмуро, но не проявляли пыл... Молодой Министр культуры bravо встал, заговорил (он по поводу любому мог часами речь держать, никому не дав другому дополнять и возражать):

– Царь-государь, мысли ваши примем мы все без труда. Лучшему – то знает каждый, нету границ никогда. В вашем правлении вехой (что же греха здесь таить!) стали большие успехи, что мы сумеем развить! По всем вопросам готовы, их обсудив, дать совет. Ведь получилось в балете нам обогнать целый свет! Двигаясь в русле прогресса рады к большой цели плыть, только б конкретно и веско цель эту определить!..

– Сядьте со своим балетом! Пусть нам отвечает тот, кто за технику в ответе и промышленность ведет. Что сидите потихоньку, будто глупость я сказал? А чего так, я не понял, дружно выдохнул весь зал? Раз сейчас о производстве столь серьезный разговор, вы, начальство, думать бросьте: не мое, и я пошел. Тут пора за дело браться всем народом, всей страной. Тут для дела пригодятся и убогий, и больной. А пока вы все здоровы – голос бодр и взор лучист – все впрягаемся в подводу, впереди – Премьер-министр.

Царь тут встал, пошел неспешно. Эхо вторило шагам. За окошком – полдень вешний. Доносился птичий гам, где-то лошади заржали, слышны девок голоса. Но министры только вжали в кресла свои телеса и внимали безответно, что Егор им говорил:

– Надо нам к началу лета приложить немало сил, чтоб решить одну задачу. Обязательно решить. Про Европу-то я начал не напрасно говорить. Будет за границей скоро «интернэшнэл эксхибишн». Это английское слово, значит «ярмарка», то бишь. И на эту эксхибишн с нескольких соседних стран (кто подальше, кто поближе) понаедут мастера. Привезут они новинки их технических умов: механизмы да машинки от подводы до часов. Вот и нам, ребята, нужно предоставить там свой лот. Чтоб страна родная дружно смело двинулась вперед, чтоб не только лес да жито нам соседям предлагать, а все что умом нажито мы могли бы продавать. А коль нас не будет круче, все поймут – мы полны сил, нам заказов будет куча – мы заводы разрастим.

Экспорт наш наукоемкий сразу станет, не простой. И не скажут нам потомки, что при нас, мол, был застой.

Царь присел. Министры важно зачесали в бородах. Встал Премьер-министр отважно (муж в заслуженных годах).

– Милостивый государь-самодержец! Мы разумеем твой новый наказ. И оправдать твоих мыслей надежды мы будем рады уже хоть сейчас. Есть от столицы твоей недалеко из эмигрантов один коллектив. Он уж Бог знает с какого нам сроку шлет разработки своей техники. Пусть сразу после сего совещанья нарочный вестник поскачет туда. Первостепенное ваше задание тот разработчик исполнит тогда.

Неожиданно и быстро, молодежав, могуч, речист, следом за Премьер-министром встал Технический министр. Великан широкоплечий, мил лицом, кровь горяча. Славой плута был увенчан, хоть всегда рубил с плеча.

– Разработчик день ко дню шлет нам всякую ***ню. С ней работать невозможно, как министр говорю. Чертежи он нам на раз продавать всегда горазд. Да его всю писанину правим месяц мы подчас. Нет, уж коли захотим, их идейки воплотим. Да окажется на деле – с ними мы не победим. Что кормить нам чужаков? Аль у нас кто не таков? Каждый – золотые руки, и давно нет дураков. И давайте порешим – наших к делу подтащим. Помните в запрошлом годе конкурс имени Левши?

Вставил тут Премьер сомненье (он давно уж хмурил бровь: не любил он возражений, кто б ему не прекословь):

– Это когда два мужицких отродья в самом финале затеяли спор? Их Алексашками кликают, вроде? Так и не слышно о них с этих пор.

– Зря грешите на меня. Я их в должности поднял, и на лучшем на заводе трудятся день ото дня.

– Надо, конечно, подтягивать выше, тех, кто трудом поражает наш ум. Но я откуда-то вроде бы слышал, что был один из них – родный твой кум?

– Не пойму твоей вражды. Мы народу не чужды. Али в крестном – златы руки моей дочке нет нужды? Поразил тогда он нас, поразит весь мир сейчас. И для ярмарки построит превеликий тарантас!

Выслушав такие речи, усмехнулся царь Егор и, чтоб склоки все пресечь их, вновь включился в разговор.

– Ты, Витюша, брось кипеть-то, взвился мартовским котом! А то отстегаю плетью – будешь шелковый потом. Тарантас нам твой не годен! Это все запрошлый век! А в Европе нынче в моде всякий маленький объект. Там теперь все экономят, да ресурсы берегут. И кто меньше стружку гонит – тот и самый «вери гуд». К веку нанотехнологий приобщаться надо нам. А «левша» как раз пригоден к мелким вот таким делам. И найди того второго (кум тебе он, иль не кум), и поставь задачу строго сразу им обоим двум. Пусть такие слепят штуки, чтоб весь мир разинул рот. И с заказом в наши руки так Европа и поперет. Пусть работают отдельно,

чтоб друг другу – конкурент. Поглядим, кто больше дельный на текущий сей момент. Вот где конкурс так уж конкурс. Здесь – надежда всей страны. Тут – особенная гордость. Тут регалии не важны. Коль представят чудо света мастера нашей земли – просят пусть тогда за это хоть медали, хоть рубли.

Вдруг на этой славной ноте голос подал казначей. По ответственной работе не стерпел таких речей. Хоть с царем накладно спорить, как против ветру плевать, но, чтоб планы не расстроить, он решился все сказать.

– Мы тому, конечно, рады, мол, прогресс и все дела, но казна такие траты как осилить бы смогла? В позапрошлом, значит, годе – конкурс имени Левши, апосля при всем народе веселились от души. В прошлом – деньги выделяли под засохший урожай. Там стреляли, там гуляли, ну а мне – соображай, где еще добыть копейки – не копейки, а рубли! – а еще давно хотели, чтоб дороги провели!

Царь насупился легонько. Казначей: молчу, молчу! Подошел к нему Егорий и похлопал по плечу:

– Не жидобься ты, Алешка, застрашал нас прямо уж. Да, потратимся немножко, но какой сорвем мы куш! В крайнем случае, ты выйди – на подворья посмотри, если все хреново выйдет – можем на годочка три приподнять чуток налоги. Наш народ не запищит. Все же ты еще немного нам деньжонок разыщи: править на отраду людям мы давали всем обет. Больше обсуждать не будем! Есть вопросы? Вижу – нет! Что ж, поставлены задачи, цели определены. И теперь должны мы, значит, раздобыть из-под земли всех умельцев наших лучших, им условия создать. Что попросят, то получают, чтобы сделать все на ять! Я Премьеру поручаю отобрать пять-шесть работ, лучшие из тех, что чаёт предоставить наш народ. Коли больше светлых мыслей не услышу я от вас... Где там писари зависли? Я хочу издать указ!

Просветлевшим своим ликом царь собрание обвел, встал, понять давая мигом, что закончен разговор.

– Вы свободны!

И с азартом, словно позади был зверь, бегуном с высоким стартом побежали все за дверь.

А навстречу из приемной, гордо голову неся, шла девица с взглядом томным, в руку толщиной коса. Семенил за ней привычно и чернильницу тащил хоть одетый и прилично, но не лучший из мужчин. И пока я только мыслил, объяснять вам или нет, кто из них был просто писарь, кто – почетный референт, вдохновляемый сияньем девичьих бездонных глаз с чувством, с толком, с пониманьем диктовал Егор указ. Но так как над каждой строчкой писарь искренне корпел, то от буквицы до точки часик так и пролетел.

Не просохли и чернила, легши на царев указ, а министров рать спешила донести его до масс. На столбы и на заборы, а кой-где на постамент был уже наклеен вскоре этот важный документ. Министерства собирали всех чиновников своих и усердно заставляли изыскать мастеровых. И гонцы на всяких мельницах, заводах, мастерских ринулись искать умельцев, узнавать таланты их.

А народ – душа живая – рад откликнуться на зов. Подошли, куда сказали, нужных дождались часов и в дворцовые ворота так рекой и потекли. Еле стражи воеводы там порядок навели. Всех построив друг за другом, осмотрели их мешки, повели к палате цугом под тычки и под смешки. Каждый – от мальчика до деда – в государев комитет предоставил то, что сделал за последние пять лет. Много мастеров толковых проходило меж судей, да никто особо новых им не предложил идей. А пока Премьер-министр с комитетом новеньким там ни медленно ни быстро все искал диковинки, в разукрашенной палате с позолотой и резьбой, бороду свою лохматая, восседал министр другой. Перед ним во фронт стояли те механик и столяр, о которых вспоминали на приеме у царя. Порученец специальный их доставил налегке, и что скажет – они ждали – их Министр по технике. После театральной паузы, хмурясь, будто бы в укор, что, мол, из-за них наказан, тот затеял разговор:

– Прибыл царь позавчера с-под заморского бугра и привез оттуда вести, что и вам узнать пора. В Англии, он говорил, будет это... черт, забыл! В общем, «ярмарка» по-русски, так он нам переводил. Навезут туда полно всяко-разное г... Ну и нам туда представить что-то нужно все равно. Из цехов я вас достал в день рабочий неспроста: руки ваши золотые, и головка не пуста. И они сейчас нужны для родной своей страны: сделать что-нибудь такое, в чем другие не равны. Чтоб страна цвела у нас, смастерить должны как раз то, что выставить не стыдно за границей напоказ. Уточнение тем даю, кто не ловит мысль мою, на работу вам неделя, а потом – бегом к царю. Пожелал Егор вперед, предложить Европе плот. Значит, ярмарка-то эта, в части транспорта пойдет. Поплывем на том плоту воплощать людей мечту! Видно, транспорт за границей, хэх, не в эту... и не в ту!

Кум Лександр засомневался и в натруженных руках шапку смял, вздохнул, собрался и сказал несмело так:

– К разуменью моему в толк никак я не возьму: неужели в той Европе хуже, чем у нас в дому? И сомнение берет, что у них хреновый флот. Да и то, чтобы основой в ихнем флоте был бы плот. Там, куда ни погляди, корабли везде поди, а плотов-то наших этих и подавно – пруд пруди. Как такую ерунду да в Европе продадут? Не, на ярмарке с плотами, чай, окажемся взад.

Наш министр не стушеввался, сам смекая на ходу: царь, когда к ним обращался, все ж не то имел ввиду. Но, не подавая виду, что не так понял царя, мастерам-умельцам выдал, их ругая почем зря:

– Ну, кому на ум придет показать в Европе плот? Царь сказал так фигурально – не совсем он идиот. Были бы нужны плоты, он не вам бы стал платить. Бондарь сел бы тут аль плотник, а совсем уже не ты. И, на всякий-то случай, умничать, давай, кончай. Что прикажут, то и делай, за других не отвечай. А не то, дрянной мужик, вырву грешный твой язык! Во, сказал как кучеряво, что-то так я не привык... Допустить я не даду, чтоб страна была в зад. Я работаю как лошадь, вишь, пока не упаду! А они мне тут стоят и турусы разводят! Я вас сам когда угодно затолкаю в ваш же зад! Выделяет вам казна денег столько, что Бог знает, но работать вам раз-

дельно царь изволил приказать. И дают вам те рубли, чтоб построить корабли, да такие, что в Европе и придумать не могли.

– Ну, ты, барин, и загнул: за неделю, одному, да такой корабль построить, что не снился никому!.. За неделю, ты пойми, не построить корабли, а какой-то новый принцип мы придумать бы смогли. Коль верна такая цель, сделаем тогда модель, на которой объяснимся что и как отсель досель. И ее-то государь повезет в чужую даль, да на ярмарке заморской за нее возьмет медаль! Правда, глядя наперед, вновь сомнение берет: Алексашки деревяшка как-нибудь, да поплывет, а в моем макете том слишком маленький объем, и на дно он сразу канет, словно бы железный лом.

– Вы меня, два дурака, не поймете все никак. Я свою подставил выю, вы ж – пока – всего бока! Коль прикажет царь Егор, то по речке с этих пор поплывут и три дощечки и с Кукуева топор! В общем, хватит толковать! Ноги в руки и пахать! В смысле, делать то, что должно, и ни дня не отдыхать!

Шапки мужички надели и направились прочь, понимая, что неделю им не спать ни день, ни ночь... Первый вышел, правя пояс, и другой уже хотел, да за ним министра голос вдруг неожиданно долетел:

– Слышь-ка, Александр Андреич, задержись еще чуток!

И, когда закрылись двери, перешел на шепоток, обнял мастера за плечи. И не мог тот взять на ум, что не досказал при встрече сей ясновельможный кум? А министр совсем без шума, подавив свой грозный гнев, вымолвил, свой глаз прищурив, но по-доброму вполне:

– Ты не дуй, Андреич, губ, коль я был с тобою груб. Должность у меня такая, ты ж мне по любому люб! И чего ты, идиот, разевал свой глупый рот? Вот столяр молчал смиренно – чую, далеко пойдет! Хоть с Лексашкой вы должны в состязаньи быть равны, но ты – крестный моей дочки, значит, стал и мне родным. Буду тебе помогать, столяра чтоб обогнать. Много ль он из деревяшки сам сумеет настругать?

Из буфетика резного Техминистр на свет добыл поллафитника спиртного, пару стопочек налил, протянул Лександру бойко, подмигнул, с ним чокнулся, оба хлопнули по стопке. Разговор продолжился. Здесь министр обвел палату, глянул мастеру в глаза, тихо, медленно и внятно, заговорщицки сказал:

– Нынче ночью принесут тебе злата целый пуд. Из него и будешь делать ты штуковину-то ту. Это вилки да ножи из железа хороши, ну а злато – это злато! Так что зла-то не держи... С казначеем я, боюсь, точно не договорюсь, но я сам – мужик не бедный, и для дела поделюсь.

Кум Лександр тут возопил:

– Что ты, я ж не ювелир! Для чего мне золотишко? Я с железом в пир и в мир!

– Ты мне, братец, не перечь, а то так пошлю далечь, где башку твою дурную мигом оторвут от плеч. Вот устрой тебе пир, если посмеется мир! Ты же можешь и железом изумлять, как ювелир. Да, с железом ты «на ты». Видел я твои труды. Зато золото, сам знаешь, не ржавеет от воды!

* * *

Размышляя над задачей, долго Александр-столяр, сам с собой в уме судача, возле стен дворца стоял. Александр был видный парень, и о нем в тридцать годов ни трудяга и ни барин не сказал нелестных слов. Он работать и учиться не гнушался с малых лет. После школы он в столице кончил университет. В мастерской одной столярной стал он мастер по резьбе, и узор его шикарный популярным стал везде. Мастерскую ту работой завалили с этих пор, и резьбой его добротной восторгался царский двор. А когда стал дипломантом он на конкурсе Левши, Техминистр сего таланта в свой завод перетащил.

Хороша была работа, да и сам-от не дурак, только с девками чего-то все не ладилось никак. Александр наш был мечтатель, да, к тому же, и молчун. И сказать о нем, читатель, я плохого не хочу. Но чтобы влюбить девушку, соловьем надо запеть, ну, или, как говорится, капитал большой иметь. Денег, что таить, немало Александр наш получал, да куда девал их малый, никому не сообщал. Я секрет открыть осмелюсь, раз уж времечко пришло: отправлял он их раз в месяц к тятке с мамой, на село. Хоть умом он был отменным, да сплошная доброта, потому его блаженным почитали иногда.

Да, так где же я оставил Александра-столяра? А побрел он до заставы, где домишки у бугра. Брел и думал: «Ну, построю лодку или даже струг, поплывет она по морю во весь буйна ветра дух. И настанет час мой звездный, коль она уйдет вперед, но ведь рано или поздно перегонят и ее. Тут диковинки-то нету, и чудесного – ни-ни. Знать, министровы обеты не на это нам даны. Нынче чудо было б кстати, чтоб царя не подвести. Помоги, Отец-создатель, диво мне изобрести!»

Помечтав, перекрестился, поднял взгляд на небеса... Но свет горний не полился, и не слышны голоса... Реяли на башнях стяги. Свежий ветер холодил. Символ воли и отваги, в небесах орел парил...

Мастер взгляд потупил долу, на свое взошел крыльцо. Вдруг печальное дотоле озарилось лицо. Александр в ладоши хлопнул и в светелку побежал, бухнулся за стол и долго все чертил, соображал...

Глава 3

Вот неделя пролетела. Как недели-то летят, когда к сроку нужно дело завершать и предьявлять!

В царской золотой палате словно улей пчел жужжит: все министры, дипломаты да солидные мужи. Стражник посохом пристукнул, и из расписных дверей вышел царь Егор с супругой, самый лучший из царей. За царицей величавой, будто бы царев двойник, шел царевич, парень бравый, шалопай и озорник. Замыкали всю процессию (коль стражей не считать) писарь (нам уже известный) и девица-секретарь.

Царь с царицею на троны сели под узорный свод, а царевич-сын, Ерема, рядом встал и чуть вперед. Круглолицая девица – секретарша-референт – возле трона очутиться поспешила сей момент. Сенька, писарь неказистый, за резной свой столик сел, государевы министры разместились возле стен.

Поутихли все немножко, и, чтоб время не терять, встал Премьер-министр и вот что стал собранию вещать:

– Выскажу мнение свое, государь, я вам по поводу смотра: зря собирали людишек сюда.

Что бы народ этот смог бы сделать, чтоб Запад не знал иль Восток? Знают все граждане наши: лишь заграница приводит в восторг даже безделицей каждой. А доморощенные мастера пусть бы хотя переняли, что заграница придумать смогла, да повторили б в деталях. Чем наши ваньки весь мир удивят? Валенками да матрешкой? На «механизмы» хомут да ухват разве похожи немножко... В этом суконно-сермяжном краю как мастерам появиться? В мире повсюду живут, как в раю. Нам вовсе нечем хвалиться. Я самолично прошел по цехам наших ведущих заводов. Всюду разор, беспорядок и хлам. И никому нет заботы, чтобы порядок вокруг навести. Элементарный порядок. Я говорю: «Можешь здесь подмести?» А мне: «На кой это надо?» Мир проявляет сейчас интерес к строгости, ладу, гармонии, всюду внедряя систему «Пять Эс», что зародилась в Японии. Пять легких правил, что здесь пояснить, может быть, и неуместно, но в нашу дикость начать насаждать надо бы их повсеместно. Ну, а по поводу новых идей, чтоб повезти их в Европу... Мы не нашли их у наших людей, в общем – напрасная проба. Сразу, я помнится, вам предлагал вызвать людей от науки. Да, чужеземцы, но в их головах – истинно хитрые штуки!

По присутственному месту прокатился робко гвалт. Не пришелся, знать, по сердцу никому такой доклад. Ропот взмыл, как стая птичья, к золотому потолку. Все решили, будто лично его оплевали тут. Поднял руку царь. Притихли. Ждут, что скажет им Егор...

Пыльные апреля вихри бились в окна, а во двор уж входили два умельца – наши слесарь и столяр. А в подмышке – ближе к сердцу – каждый узелок держал. Александры друг на дружку чуть косились, но пока верили, что их игрушки победят наверняка! Встретил их мужчина дюжий, ожидавший у ворот, молвил: «Торопиться нужно, Виктор Александрыч ждет!» И повел по коридорам распрекрасного дворца, вверх по лестницам, которым долго не было конца.

Мастера видали много – все ж народец не простой. Только у царя в чертогах поразились красотой. И резьба, и позолота, и картины, и ковры – будто не людей работа, а волшебника дары.

Отворилась дверь без скрипа, мастера вступили в зал, и чего там все притихли, так никто из них не знал; почему так все смотрели в направлении царя, хоть сидел он перед всеми, ничего не говоря... Но вниманье молодого Александра тут привлек облик девушки особой – светлой, словно ангелок, с чуть смущенною улыбкой наблюдавшей за царем и с царевичем стоявшей рядышком, как бы вдвоем. И глаза от той красавицы не мог он отвести. Думал: всем она так нравится, вот то-то зал и стих. Взором, полным восхищенья Александр глядел, глядел и влюбиться, без сомненья, был теперь его удел. Девушка смущенно-нервно головою повела и заметила у двери Александра-столяра. И – как будто свежий ветер вдруг ворвался в душный зал, тайною волшебной лентой судьбы их перевязал. Словно через очи в душу залетел огонь

любви, словно в юных райских кущах, в сердце розы расцвели. И, как пишется в романах, закипела в жилах кровь, и накрыла их нежданно с взгляда первого любовь.

«Ты на девку глаз не пяль! Или жить уже устал? Не тебе чета. Подумай, куда губы раскатал? Наденьку-секретаря не высматривай зазря: чай, любимица, а может, и любовница царя!» – прошептал механик-мастер Александру-столяру, прерывая его счастье и мечты его игру...

Встал Егор и, взглядом черным (видно сильно осерчал) глядя на своих придворных, так Премьеру отвечал:

– Я не знаю, как в Японии – пока там не бывал. Только в нашем родном доме все не так, как ты сказал. Если б не хватало вкуса, а тем более ума, кто бы сделал эти бусы или эти терема? Вот французы – те, конечно, по искусству мастера и в архитектуре вечно были первыми всегда.

Но в Версале захотел, я извиняюсь, в туалет – мне сказали, не смущаясь: туалетов в замке нет! А то я все думал-думал, что там за «амбре» висит... Вот духи им потому-то и пришлось изобрести. Хоть у нас и грязен разве, ну, кузнец или пастух, да у них от дам прекрасных так разит, что прямо ух! А по делу повникаем – англичане поумней, и промышленность Британии работает дельней. Но поверить, что в России нет достойных мастеров, убедить меня не в силах никаким набором слов. Да, передовой манере в производстве должно быть. Поручаю я Премьеру этим и руководить. А японской ли, немецкой ли, английской – дела нет, должен стать завод российский образцом на целый свет!

Как зеркало царским мыслям, все набычившись стоят. Только лишь у Техминистра чуть подбострастный взгляд:

– Государь, Егор Иваныч! Правда ваша: есть они, мастера, что могут за ночь сделать чудо для страны! – И рукой своей огромной из толпы он поманил кума своего, что скромно сверток под рукой таил. – Вот он – Александр Андреич! Ну, любезный, покажи, как работать ты умеешь и с умом, и от души!

Тот, кивнув головой седую, перво-наперво сказал, чтоб побольше чан с водою принесли немедля в зал. Чан доставили мгновенно (для царя проблемы нет), и механик наш степенно стал развертывать пакет. Наконец, явил на волю и на воду опустил... золотую утку, коей все собранье восхитил. Поплыла она по глади без усилья всякого, головою закрутила, разве что не крякала. Поразительное дело! Все глядели, не дыша, а царица зажалела (добрая она душа!):

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.